

Der Krieg
ist nicht nur
die Hölle
auf Erden,
er zerstört auch
die Seele
der Menschen

Erich Maria Remarque

АЛЕКСАНДР
СОСНОВСКИЙ

КРЫСИНАЯ ТРОПА ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

*«В ходе этой операции тысячи сотрудников СС, СА и членов
НСДАП были через Ватикан переправлены в Латинскую Америку.
По информации, в деле замешаны спецслужбы
Великобритании и США».*

Александр Сосновский

Александр Сосновский
Крысиная тропа Третьего рейха

«ЛИРА»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6

Сосновский А.

Крысиная тропа Третьего рейха / А. Сосновский — «ЛИРА»,
2026

ISBN 978-5-907727-93-9

Книга посвящена раскрытию масштабной секретной операции по эвакуации нацистских преступников и финансовых активов из Третьего рейха в конце Второй мировой войны и после нее. Сосновский в форме увлекательного художественного романа рассказывает о ряде спланированных путей побега, получивших название «Крысиные тропы», а также об участии в их организации различных стран, включая Ватикан, Великобританию, США и государства Южной Америки.

УДК 821.161.1

ББК 84(2=Р)6

ISBN 978-5-907727-93-9

© Сосновский А., 2026

© ЛИРА, 2026

Содержание

Ватикан. Кабинет кардинала Лефтера	6
Бункер Бормана	9
Фотография в газете: Борман?	12
Брюссель. Ювелирная мастерская Фалько	13
Брюссель. Городская телевизионная студия	16
Кто такой де Бенточчи?	17
Лондон. Министерство иностранных дел	18
1941 год. Берлин. Кабинет Бормана	20
Лефтер. Куда исчез Борман?	21
1939 год. Ватикан	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Сосновский

Крысиная тропа Третьего рейха

Война – это не только ад на земле, война уничтожает человеческую душу.

Э.-М. Ремарк «На западном фронте без перемен», 1929

Фото автора на задней стороне обложки:

Мария Савченко

© ООО «Ли́ра», 2025

© Сосновский А. В., 2025

© Фото на обложке, РИА Новости, автор Владимир Гребнев, 2025

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ХАМЕЛЕОНУ

В Европе обнаружены следы Мартина Бормана. Согласно источнику, это может вывести на секретные счета НСДАП, через которые финансировали операцию «Крысиная тропа». В ходе этой операции тысячи сотрудников СС, СА и членов НСДАП были через Ватикан переправлены в Латинскую Америку. По информации, в деле замешаны спецслужбы Великобритании и США. Необходимо выяснить, кто и в каком объеме участвовал в этих схемах. Будьте предельно осторожны – задание государственного значения.

ТРИФОНКОВ

Ватикан. Кабинет кардинала Лефтера

– Опять отстают, – его преосвященство кардинал Лефтер укоризненно качает головой и передвигает стрелки ровно на двенадцать. Часы отвечают глухим мелодичным боем, вторя колоколам на соборе Святого Петра, который виден за окном. – Мы с вами остановились на том, что Гитлер и Черчилль пытались договориться и с этой целью в Великобританию полетел Рудольф Гесс. – Кардинал подходит к большому секретеру из красного дерева и зажигает стоящую там свечу.

Кабинет кардинала Лефтера – просторная комната со сводчатым потолком и высокими окнами, из которых открываются величественные виды Ватикана. Торжественность места подчеркивают антикварные книжные шкафы, заполненные причудливо переплетенными фолиантами. Между шкафами висят старинные картины, изображающие сцены из жизни святых. Центр комнаты занимает массивный стол, на котором стоит стеклянная колбочка с чернилами и лежат дорогие перьевые ручки, на зеленом сукне аккуратно разложены документы.

Тишину нарушают лишь мерное тиканье настенных часов и легкое потрескивание дров – в дальнем конце комнаты горит камин. Рядом с камином – удобное кресло, где Лефтер часто проводит время за чтением манускриптов.

Несмотря на свои годы, кардинал держится с достоинством и уверенностью человека, привыкшего контролировать ситуацию и владеть собой, – это у него с молодости: когда-то Лефтер слыл искусным фехтовальщиком. Он облачен в кардинальскую сутану богатого винного цвета с алым поясом. Иногда поверх сутаны накидывает бархатный плащ.

На левой руке Лефтер носит изящное серебряное кольцо с гравировкой в виде двух перекрещенных шпаг – подарок старинного друга. Это кольцо напоминает Лефтеру о временах его молодости и о тех, кто знал его как непревзойденного наездника и блестящего дуэлянта. О сегодняшнем его положении напоминает другое украшение: на указательном пальце правой руки кардинала красуется перстень с крупным бордовым камнем.

У Лефтера есть тайная страсть, о которой, впрочем, известно почти всем в Ватикане: он курит трубку. У него их целая коллекция, и каждый раз, когда нужно обдумать какой-то важный вопрос, кардинал идет выбирать трубку. Не спеша набивая ее табаком, Лефтер размышляет и подбирает нужные слова, которые всегда полны скрытого смысла.

В этот раз он взял небольшую трубку с коротким, причудливо изогнутым мундштуком, но не стал ее раскуривать:

– Вы знаете, дорогой друг, что таинственный перстень Фатимы имеет прямое отношение к вашей истории с Гессом, а главное – к истории с «Крысиной тропой» Третьего рейха.

Собеседник Лефтера ерзает в кресле, усаживаясь поудобнее.

– Эминенц, самые разные, даже совершенно неправдоподобные на первый взгляд истории переплетаются друг с другом, как тонкие нити, создавая полотно с причудливым рисунком. И моя задача – понять, что он означает. Поэтому я у вас – чтобы приподнять завесу тайны и раскрыть секреты прошлого. Мы знаем друг друга, дай бог памяти, больше двадцати лет и можем позволить себе говорить открыто и прямо.

Напротив кардинала сидит Игорь Кортун, в прошлом контрразведчик, сейчас пенсионер и «охотник» за тайнами Третьего рейха. О некоторых он потом рассказывает в своих книгах. Кортун все еще сохраняет военную выправку, говорит уверенно, четко произнося каждое слово с легким, почти незаметным акцентом.

Лефтер усмехается, разжигает, наконец, трубку и выпускает несколько колец дыма:

– Наши пути пересекаются каждый раз, когда возникает новая запутанная история. Но скажите, правда ли, что вы почти разгадали загадку Бормана? Точнее, загадку его исчезнове-

ния. И счетов НСДАП. Вы ведь приехали, чтобы дополнить ваши записки историей таинственного перстня Фатимы?

– Тут больше вопросов, чем ответов. Вся история крутится вокруг партайгеноссе Бормана, который исчез в последние дни войны. А потом неожиданно объявился вместе с неким перстнем, который принадлежал Третьему рейху. В истории операции, которую вы назвали «Хамелеон», фигурирует и золото НСДАП. Следы Бормана – это настоящий лабиринт, который мы вынуждены были распутывать.

Лефтер внимательно слушает собеседника и кивает:

– Иногда в поисках истины мы находим ответы там, где не ожидали их найти. Но они могут изменить наше понимание самих себя.

Он вынимает трубку изо рта, слегка подается вперед и пристально смотрит на Кортуну через стекла пенсне:

– Вот, например... – Лефтер делает паузу и выпускает еще несколько колец дыма. – Перстень Фатимы – артефакт, окутанный множеством легенд, одна из которых гласит, что он был создан, чтобы отпереть врата в забытую эпоху. Именно поэтому он хранится в надежных руках. В операции «Крысиная тропа» перстень сыграл свою роль.

– И что же в нем такого тайного? Как связаны искусные ювелиры и тайные тропы, в которых запуталось не одно поколение?

Лефтер едва заметно улыбается, задумчиво глядя вдаль:

– Перстень Фатимы прошел через многие руки, каждый его владелец добавил свою главу в эту удивительную историю. Иногда мне кажется, что прошлое нас ищет не меньше, чем мы ищем его.

Кортун внимательно вслушивается в каждое слово кардинала: Лефтер в совершенстве владел искусством спрятать во фразе подсказку, которая скрывается зачастую в самых простых словах.

– Ваше преосвященство, вы меня заинтриговали. Наши жизни прошли в поисках. Я – в многочисленных разведоперациях, вы – тут в Ватикане. Конечно, я знаю, что перстень Фатимы в истории Бормана играл трагическую роль. Именно поэтому я приехал к вам, чтобы вы меня, простого грешника, просветили.

Лефтер смеется:

– Кто из нас больше грешник, знает только Господь. Конечно, есть то, что невозможно обойти. Вот вы меня спрашиваете про перстень Фатимы. Я, со своей стороны, хочу понять, какую роль играл в этой истории Хамелеон. Не тот, который живет в ожидании очередного насекомого на обед. Я имею в виду таинственного агента Хамелеона, который имеет прямое отношение к перстню Фатимы. Если вы готовы поделиться со мной тем, что вам удалось выяснить... Тогда от меня – перстень Фатимы, от вас – Хамелеон.

Кортун усмехается:

– Нас учили больше молчать, чем говорить. Но сегодня я тут не только для того, чтобы слушать. Хамелеон – это гений мистификации. Разведчик, ученый, модель, юрист, легкомысленная дама, остроумный кавалер – это все Хамелеон. Он наносил удары – и бесследно исчезал.

В комнате воцаряется тишина, собеседники молча смотрят друг на друга и улыбаются, понимая больше, чем было сказано. Мягкий отсвет пламени отражается в пенсне кардинала.

– Я надеюсь, мой добрый друг, что мы будем сегодня откровенны, – кардинал снимает пенсне и близоруко щурится, глядя на Кортуну.

Кортун громко смеется:

– Если бы я не знал вас столько лет, ваше преосвященство, я бы действительно поверил в вашу кроткость, наивность и простоту. Но наша многолетняя дружба позволяет мне сделать вывод, что вам известны какие-то интересные подробности и вы согласны на откровенный разговор. Да, ваше преосвященство, операция по поиску Бормана началась с перстня Фатимы

и привела Хамелеона в Ватикан. Тут сплелись интересы Третьего рейха, Бормана, нечестных служителей Бога, преступников и святых.

– И перстня Фатимы, мой друг, – Лефтер снова кивает. – Не могу не согласиться с вами...
Он выпускает клуб дыма, который легким облачком скрывает его лицо от собеседника.

Бункер Бормана

В бункере очень темно: грязные плафоны практически не пропускают свет, а маленькие лампочки аварийного света кажутся глазами какого-то животного, которое дышит легким мерцанием в такт орудийным взрывам, приглушенные звуки которых доносятся с улиц.

Это один из многих рабочих бункеров Бормана. К концу войны он тайком от фюрера и Гиммлера оборудовал себе тайные убежища в разных местах Берлина. Самый большой бункер находится в Карлсхорсте – там традиционно строили виллы высшие чины рейха. Даже сам рейхсфюрер Гиммлер не удержался от соблазна стать частью этого элитного сообщества и возвел в дальнем уголке Карлсхорста трехэтажный дом, который был полностью обустроен под маленькую Гудрун – любимую дочь рейхсфюрера.

Борман тоже имеет тут небольшую виллу, которая снаружи выглядит очень просто, но внутри укреплена, как дот на линии фронта. Борман не любит район Карлсхорст. Он считает, что фешенебельный Карлсхорст превратился в салон для генералов и их денщиков.

– Тут любой денщик задирает нос, как штандартенфюрер СС, – говорит он презрительно.

Его вилла – дань принадлежности к высшим кругам, не более того. Потому бывал он тут редко, и то только в самом начале войны.

Борман носит звание обергруппенфюрера СС, генерал-полковника, но предпочитает, чтобы его называли рейхслайтер, потому что к армейским генералам относится как к простым конторским служащим.

Любимый бункер Бормана, в котором он прячется последние месяцы войны, находится в другом месте: буквально в нескольких сотнях метров от «министерского дворика», который тянется от здания рейхстага почти до Фоссштрассе, где располагается рейхсканцелярия. Бункер Бормана смотрит одной стороной на Тиргартен, куда можно незаметно выйти через несколько строений, соединенных между собой внутренними переходами.

Толстые бетонные стены и не менее толстые стальные двери, герметично закрывающие помещения, защитят даже от возможной химической атаки. На первом этаже Борман любовно обустроил свой военный кабинет.

Он называет его «Толстый Гюнтер». Откуда взялось это название – неизвестно, но Борману явно доставляет удовольствие кричать своему адъютанту: «Вызови толстяка Гюнтера», что означает «Я иду работать. Сигары, коньяк – в зал, камин растопить, системы оповещения включить, линию связи оставить только для переговоров с Гитлером». Охрана занимает плановые точки, адъютант закрывает партайгеноссе снаружи. И ни один звонок, ни один посетитель, ни один проситель, даже в звании обергруппенфюрера, не может потревожить Бормана, пока он занят работой.

Никто в рейхе не знает о «толстом Гюнтере», даже фюрер думает, что Борман сидит где-то в дальней комнате рейхсканцелярии.

В курсе только Гиммлер. Впрочем, он в курсе всего, что происходит в рейхе. Он, правда, может прослушивать своего партайгеноссе, но это было бы уже лишним. Адъютант Бормана регулярно доносит Гиммлеру, с кем и когда встречается его шеф. А Гиммлер не сомневается в преданности адъютанта, который очень не хочет, чтобы Борману стало известно, что его прабабушку звали Рахиль.

Сегодня у Бормана особенно плохое настроение. Берлин лежит в руинах, население прячется в подвалах, генералы бегут на Запад. Партия, которой так гордился фюрер и которой он, Борман, бесконечно предан, уничтожена.

Рейхслайтер уже несколько дней не может переговорить с фюрером – связь не работает. А в те короткие секунды, когда все-таки удается ее наладить, адъютанты вежливо просят пере-

звонить через минуту – фюрер занят. Но через минуту связь опять прерывается, и все начинается сначала. Вероятно, фюрер уже не в состоянии отвечать своим генералам.

«Если он вообще жив», – думает Борман.

Он ловит себя на том, что мысль о смерти фюрера не вызывает у него никаких эмоций – ни сожаления, ни ужаса. Он давно перестал мерить свою жизнь по фюреру. Борману кажется, что он перерос вождя в своем понимании будущего для немцев. Речи Гитлера с потрясанием кулаками перед лицом, истеричными нотами в голосе больше не вызывают в его душе эйфории и желания кричать «зиг хайль» вместе с однопартийцами...

Борман подходит ко входу в бункер. В полушаге от него стоят адъютант и офицер охраны. Они следуют за шефом по пятам, даже когда он идет в туалет. По заведенному правилу Борман не закрывает двери уборной, не стесняясь, что эти двое могут видеть своего рейхсляйтера со спущенными брюками. Бормана это не смущает, для него они обслуга, рабы, не дороже гипсовых статуй в его летнем саду.

Адъютант делает шаг вперед, нажимает какие-то рычаги с наклеенными на них стрелками из кожи.

Дверь медленно отъезжает в сторону, открывая вход в полуподвальное помещение со сводчатыми потолками, толстыми бетонными стенами, которые плотно обшиты стальными листами.

Борман окидывает взглядом дверь, ждет секунду, пока адъютант первым сделает шаг в бункер, и входит следом. Стряхивает пылинку с рукава мундира и направляется к столу. Голову он держит прямо, но издали похож на горбуна: из-за короткой шеи кажется, что голова растет прямо из спины. Толстый Квазимодо с регалиями рейхсляйтера.

В бункере царит полумрак. По углам в строгом порядке стоят металлические шкафы и столы. Место каждого отмечено небольшой белой стрелкой, нарисованной краской прямо на полу.

На столе разложены карты Берлина, какие-то списки, а на самом краю – старая библия в кожаном переплете. Два эсэсовца в форме и с оружием, которые уже находились в помещении, щелкают каблуками и молча занимают свои места у входа. Секретарь Бормана, одетый в гражданский костюм, вопросительно смотрит на рейхсляйтера:

– Все в порядке, партайгеноссе?

Секретарь тощ до невероятности. Борман даже собирался убрать его из своего окружения – боялся, что тот болен чахоткой.

Борман удивленно поднимает брови, не ожидая такой фамильярности.

Поняв свою оплошность, секретарь делает шаг назад и осторожно добавляет:

– Извините, партайгеноссе, совсем тут теряюсь.

Борман кивает.

Тихий гул вентиляции разгоняет тоскливую тишину. Свет от ламп подрагивает в такт взрывам, все-таки слышным, несмотря на хорошую изоляцию.

Борман садится к столу, сжимает кулаки и опускает глаза:

– Господа, время! Слушайте внимательно.

Он наклоняется вперед, упирается обеими руками в разложенную карту Берлина. Пальцы у него толстые, с аккуратным маникюром, кажется, что на ногти нанесен лак.

Борман постукивает указательным пальцем по карте:

– Первое. Станция Лертер-Банхофф – главный пункт, на него ориентируемся. Борман-второй с двумя нашими парнями идет туда.

Рейхсляйтер неожиданно улыбается и показывает эсэсовцам два пальца.

– Что смотрите? Непонятно? Второй, второй, бестолковые! Поведете туда моего двойника!

Он повышает голос:

– Одеть его в мою одежду. Мундир, аксессуары, все должно соответствовать. Даже я должен в случае чего его узнать, как себя... И не отличить...

Партайгеноссе смеется скрипучим смехом и опять стучит пальцами по столу. Кажется, что он очень доволен глупостью своих подчиненных. Секретарь взмахивает рукой, в которой зажат какой-то лист:

– Будет сделано!

Борман кивает:

– Хорошо. Он будет двигаться к станции, там его...

Он делает паузу и недовольно добавляет:

– Ликвидируют. Там его и найдут. Мне все равно кто – русские или американцы. Они должны увидеть *мое* тело. Это ключевое условие.

Он опять смеется. Адъютант щелкает каблуками:

– Сделаем, партайгеноссе. Полностью отвлечем внимание. Сами следом уйдем в тоннель.

Борман удовлетворенно потирает руки:

– Мы с майором, – он кивает в сторону секретаря, – идем через канализационные шахты. Проверьте маршруты еще раз. Убедитесь, что они чисты. Нельзя допустить ошибки.

Эсэсовцы выходят молча, отдав честь.

Борман смотрит им вслед, взгляд его совершенно ничего не выражает. Потом, повернувшись к секретарю, тихо и брезгливо произносит:

– Майор, этих пусть уберут сразу. Они будут лежать там...

Делает паузу:

– *Со мной*. Ясно?

На лице секретаря не дрогнул ни один мускул:

– Яволь, партайгеноссе.

Борман тяжело садится, придвигает к себе карту, молча всматривается в точку, только ему известную:

– С двойником... И не перепутайте.

Неожиданно он истерично хохочет:

– Идите!

Секретарь молча направляется к выходу, его щека вдруг начинает нервно дергаться, выдавая напряжение и скрываемый страх.

Борман поднимает трубку телефона:

– Соедините с рейхсканцелярией. Я хочу говорить с фюрером.

Он терпеливо ждет ответа. Проходит несколько секунд, лицо Бормана краснеет, на лбу надувается и начинает пульсировать жилка. Он внимательно слушает, что говорит ему голос в трубке правительственной связи.

И торопливо отвечает:

– Нет. Нет...

Второе «нет» Борман произносит странным, почти визгливым тоном.

Наконец он бросает трубку на аппарат. Его лицо становится еще краснее, он пытается освободить ворот рубахи, но пальцы не слушаются. Несколько раз он что-то тихо повторяет, едва шевеля губами.

Смотрит еще раз на трубку и произносит почти шепотом:

– Рейхсканцлер больше не принимает.

Фотография в газете: Борман?

Мягкий солнечный свет проникает через полупрозрачную штору. На столе небрежно разбросаны блокноты и листы с какими-то текстами, написанными неразборчивым почерком. Роман полулежит в кресле. В одной руке он держит сложенную пополам газету, а в другой – большую кружку с чаем. Это газета на испанском языке под названием El Diario, которую регулярно кладут в его почтовый ящик вместе с несколькими другими изданиями, бесплатно распространяемыми по выходным. Роман покачивается в кресле, внимательно просматривая газету.

Вдруг что-то привлекает его внимание. Он перестает качаться. Ставит кружку на стол и впивается глазами в большой черно-белый снимок в нижней части полосы. На фотографии изображена группа мужчин – по всей видимости, крестьяне. Пожилые люди в просторной одежде и шляпах смотрят на сцену, где стоят двое: один, тоже из крестьян, выступает с речью, а второй, полноватый, с лицом, наполовину скрытым широкополой шляпой, скупо улыбается и руками прикрывается от настывного фотографа.

Роман внимательно рассматривает именно этих двоих. На его лице сменяются удивление и озабоченность.

Оставив недопитый чай на столе, Роман резко встает, подносит газету поближе к глазам. Потом кладет ее на стол, открывает ящик и достает большие ножницы.

– Неужели?! – тихо восклицает он, вырезая статью. – Вот это да! Не может быть!

Не закончив вырезать, он откладывает ножницы и почти бежит к книжной полке. Достает книгу «История рейха», больше похожую на атлас, и идет обратно к столу.

Кладет книгу рядом с газетой и быстро ее перелистывает. Наконец находит страницу, на которой изображен какой-то мужчина. Роман снова берет ножницы в руки и аккуратно вырезает из газеты портрет мужчины в шляпе, который стоит за оратором. Затем берет вырезку и кладет ее на страницу книги, совмещая проекции.

Возбужденно стукнув кулаком по столешнице, вскакивает с места и кричит:

– Он, он, он!!!

Роман хватается за телефон.

На экране появляется улыбающееся лицо Ульрике, которая начинает говорить, не дав Роману даже поздороваться:

– Не спится в воскресенье?

– Да какое там спится! Сидишь? Не вставай, а то упадешь!

Она смеется. Роман кричит в трубку:

– Я нашел Бормана!

– Газету почитал? Молодец! Внимательный.

– Значит, ты тоже видела?..

– Эту газету сейчас во все почтовые ящики кладут. Не заметить такой чудесный снимок было бы трудно. Хотя прыгать от радости рано – скорее всего, это совпадение. Но поздравляю – увидеть сходство с Мартином Борманом! Молодца!

Роман молча кивает.

– Ты завтракал? – так же весело спрашивает она. – Давай дуй ко мне. Расскажу что-то.

Брюссель. Ювелирная мастерская Фалько

Брюссель просыпается рано. Народу на улице становится все больше. Горожане идут по своим делам, держа в одной руке портфель или папку для бумаг, а в другой – бумажный стаканчик с кофе. Они все удивительно похожи. Кажется, что утром на улицы Брюсселя выходят родственники одной большой семьи.

На углу Рю де Валле и Рю де Бюссон, сразу за небольшим симпатичным сквериком, находится ювелирная мастерская Фалько, названная так по имени старого мастера Гюстава Фалько, который в XIX веке занимался огранкой алмазов, говорят, даже для короля Леопольда. Мастерская до сих пор принадлежит семье Фалько, переходя по наследству от отца к сыну. Последние годы мастерская немного обветшала. Единственный наследник семьи Фалько, которого зовут так же, как и основателя мастерской, – Гюстав, стар, болеет часто и с трудом поддерживает маленький ювелирный гешефт на плаву. Мастерская живет за счет особых клиентов, которые приносят сюда на ремонт или оценку старинные предметы. Только старый Гюстав может быстро и, главное, честно назвать цену и даже порекомендовать покупателя.

На небольшом квадратном столике, обтянутом черным бархатом, лежит массивный перстень. Гюстав, кряхтя, наклоняется к столику, осторожно берет длинным тонким пинцетом перстень и переворачивает его. Перстень необычен. Массивное золотое основание венчает громадный рубин, который поддерживают дубовые листья, охватывающие рубин по кругу. В центре камня, который отсвечивает темным красно-фиолетовым цветом, находится золотой крест, искусно вырезанный в рубиновое ложе.

Старик включает мощную лампу и внимательно осматривает удивительный перстень. Свет лампы неожиданно выхватывает какие-то тонкие полоски внутри рубина, которые при обыкновенном освещении совершенно незаметны.

– Добавим света, – мастер щелкает выключателем. Прямо у него за спиной вспыхивает мощный софит.

Молчаливый посетитель, который все это время пристально наблюдал за Гюставом, делает шаг по направлению к столику.

– Отойдите, по стойте там, – недовольно говорит ювелир, – вы мешаєте.

Посетитель так же молча делает шаг назад, не сводя глаз со сверкающего перстня. Расстегивает синий пиджак со стоячим воротничком – такие обычно носят баварцы, потом верхнюю пуговицу рубашки, освобождая шею, и едва заметно кивает, как бы подтверждая, что мешать не будет.

Рабочий кабинет Гюстава совсем маленький. Тут с трудом помещаются столик и несколько небольших деревянных стеллажей, на которых ровными рядами разложены всевозможные инструменты: отвертки, ножи, похожие на скальпели, щипцы и миниатюрные приборы, назначение которых не сразу угадаешь. Все это напоминает хирургическую операционную. В кабинете чисто и прохладно. Хирург, точнее ювелир, одет в идеально отглаженный костюм из мягкой ткани серого цвета. Поверх костюма надет передник с двумя большими карманами на уровне пояса. Рукава пиджака стянуты на запястьях резинками, как у конторских служащих. На предплечьях нашиты кожаные полоски из жесткой буйволиной кожи, которые не позволяют рукам ювелира скользить по столу во время работы.

Столик, за которым работает Гюстав, стоит у самого окна, упираясь в подоконник. Его причудливо выгнутые ножки из темно-коричневого дерева украшает вертикальная резьба, похожая на арабскую вязь. По углам столешница украшена небольшими тюльпанами из темно-серого металла.

Старый Гюстав долго настраивает свет, поворачивая софит то в одну, то в другую сторону. Наконец лампа принимает окончательное положение, которое устраивает ювелира. Он

приподнимается со стула и задергивает штору на окне, чтобы дневной свет не смешивался с электрическим. В искусственном свете кажется, что внутри рубина бегают какие-то непонятные светлые лучики. Но что вызывает их движение? Ювелир склоняется над перстнем, направляет на него окуляр, зажатый в глазу. Потом прислоняет к окуляру крупную линзу. Посетитель делает движение в сторону столика, но на этот раз ювелир молчит, ограничившись скупым жестом – не мешайте!

Молодой человек расстегивает плащ, его левая рука дрожит, правая выщелкивает пуговицы из петель:

– Что-то можно уже сказать?

Старик продолжает молча рассматривать перстень, как будто не слышал вопроса. Гюнтер только что обнаружил на внутренней стороне перстня тончайшую гравировку, которую почти невозможно разглядеть без увеличительного стекла. Едва заметная даже при большом увеличении, она идет вокруг камня и напоминает символы из древних времен или магические знаки.

– Я спрашиваю, что-то уже понятно? – раздраженно повторяет по-испански посетитель.

Ювелир не спеша отодвигает увеличительное стекло, вынимает из глаза окуляр:

– Молодой человек, что вы хотите от меня услышать? – Гюнтер тоже переходит на испанский.

– Что вы можете мне сказать про этот перстень?

– Сказать я могу многое. Вас, вероятно, интересует его цена?

– Разумеется. Цена и все такое. Ведь к вам не приходят просто для того, чтобы показать какую-то вещицу. От вас ждут оценки.

– Я вам все скажу, молодой человек, – ювелир поднимается со стула и, опершись рукой о его спинку, всем корпусом поворачивается к посетителю. – Но мне нужно еще кое-что подсчитать, и если вы позволите, я зайду в свою техническую каморку, там у меня хранятся точные измерительные приборы. Они нужны для измерения веса и других качеств драгоценных камней. В этом перстне, как вы, разумеется, видите, есть замечательный рубин.

При этих словах ювелир делает несколько шагов к противоположной стене, в которой виднеется дверь в другое помещение.

Посетитель озабочено качает головой:

– Нет, нет. Я хотел бы присутствовать при всех манипуляциях.

– Не стоит опасаться. В той комнате нет ни окон, ни других дверей. Вы можете сами в этом убедиться.

Ювелир открывает дверь и щелкает выключателем, в каморке загорается верхний свет.

– Видите, здесь ничего нет, вы ничем не рискуете. Вы же не думаете, что старый ювелир украдет у вас перстень?

– Ничего я не думаю, но хотел бы присутствовать.

– Поймите, это невозможно. Сейчас я должен буду выключить верхнее освещение и работать только при свете направленного луча от прибора, который позволит оценить величину и вес вашего рубина. Ну, что? Вы позволите?

Посетитель нерешительно мнется, но все-таки кивает. Ювелир возвращается к рабочему столику, аккуратно берет перстень, кладет его в некое подобие металлического блюдечка и прикрывает сверху небольшим куском плюшевой ткани. Затем не спеша проходит в каморку и закрывает за собой дверь.

Оказавшись один, Гюстав осторожно ставит прибор с перстнем на небольшую тумбочку в центре комнатки. Затем возвращается к двери, проверяет, плотно ли она закрыта. Потом садится на стул около тумбочки, но не рассматривает перстень и даже не достает приборы, о которых рассказывал посетителю. Вместо этого он вытаскивает из тумбочки самый обыкновенный дисковый телефон. Видавший виды аппарат, наверное, старше ювелира. Как только

тот снял трубку, раздается громкий гудок. Испугавшись, что посетитель может его услышать, Гюнтер прижимает трубку к уху.

– Але. Але. Полиция? – почти шепотом произносит он. – Прошу вас немедленно приехать. У меня оказался перстень кардинала де Бенточчи... Да... Принесли на оценку...

Молча выслушав ответ, Гюстав осторожно кладет трубку и возвращает телефон на прежнее место. Через несколько минут ювелир выходит из каморки, молча ставит на стол «блюдец» с перстнем и садится на стул.

Посетитель, который все это время нетерпеливо ходил от стены к стене, подходит вплотную к Гюставу.

– Ну? – спрашивает посетитель тихим голосом.

Ювелир молча смотрит на него слезящимися глазами.

– Вы хотите знать цену? Я вам отвечу. Я думаю, вы будете очень рады, но и вам придется ответить на несколько вопросов.

– Что? Я должен ответить вам на какие-то вопросы?

– Нет, не мне, юноша.

– А кому?

Гюстав проигнорировал вопрос молодого человека.

– Что касается цены... Этот перстень не имеет цены. Он бесценен.

– Да? – посетитель радостно потирает руки.

– Вы рано радуетесь, юноша. Этот перстень принадлежал кардиналу де Бенточчи. И скорее всего, вам придется ответить на вопрос, как он к вам попал, уже в полиции, – ювелир кивает в сторону окна.

За окном раздается звук полицейской сирены, кажется, что машина собирается въехать прямо в мастерскую.

– Не понимаю, – тихо говорит посетитель, – о чем вы?..

В этот момент дверь открывается и в мастерскую быстро входят двое полицейских. Ювелир поднимается им навстречу. Первый полицейский, который, видимо, хорошо знает старика, спрашивает:

– В чем дело, Гюстав?

Ювелир кивает в сторону незнакомца:

– Это его перстень.

Брюссель. Городская телевизионная студия

Диктор в студии, глядя в телесуфлер, бесстрастно читает:

«Неизвестный мужчина пытался продать перстень, принадлежавший кардиналу де Бен-точчи. Этот перстень, известный как “перстень Фатимы”, окутан мистической тайной. Его история началась в тринадцатом веке. В двадцатом веке перстень оказался во владении Третьего рейха и какое-то время считался утерянным. Сегодня права на драгоценный артефакт заявили сразу несколько стран. По данным наших источников, расследование ведет управление уголовной полиции. В ближайшие дни к следствию могут подключиться специалисты секретных служб».

Кто такой де Бенточчи?

Кортун раскладывает на столе бумаги, выбирает один листок с наклеенной на него большой выцветшей фотографией.

– Имя кардинала де Бенточчи, ваше преосвященство, первый раз прозвучало именно в связи с делом ювелирной мастерской Фалько. Неизвестный пытался продать перстень, который был опознан ювелиром как перстень Фатимы, – Кортун показывает на фотографию.

Лефтер ходит по комнате, не скрывая скептической улыбки:

– Не стоит произносить это имя под сводами Ватикана. Названная вами персона – одна из основных фигур в истории с перстнем. Перстень Фатимы то появлялся у него, то он продавал его другим лицам, иногда перстень возвращался в Ватикан. И в целом служил разменной монетой в играх Третьего рейха и некоторых деятелей Ватикана.

– Я так и предполагал, – кивает Кортун, посматривая на открытое окно. – История перстня началась во времена святого Петра. Но как он попал в Третий рейх?

Порыв ветра пошевелил легкую занавеску, и на миг Ковтуну показалось, что там, за окном, кто-то пытается подслушать их разговор. Но это иллюзия. В Ватикане такое бывает.

Лондон. Министерство иностранных дел

Министр иностранных дел Вильям Хук стоит спиной к двери и через большое витринное окно рассматривает вечерний Лондон. Он не спеша оборачивается и переводит взгляд на входную дверь. В дверном проеме появляется директор Ми-6 Бетти Керрис. Ее лицо выражает немой вопрос.

– Войдите, – Хук отходит от окна.

Керрис, держа в руках небольшую пластиковую папку, слегка наклоняет голову и делает шаг в сторону министра:

– Сэр, извините за поздний визит.

Министр усмехается. Он хорошо знает повадки высшей знати британских спецслужб. Если директор Ми-6 извиняется, значит, дело действительно срочное.

– Я слушаю вас, Керрис. Что-то случилось?

Директор подходит почти вплотную к министру.

– Слава богу, нет. Но есть важная информация. Мы полагаем, что напали на след нацистского преступника Мартина Бормана.

Керрис поднимает к груди пластиковую папку. На фоне темного пластика хорошо видна ее ухоженная рука с неярким маникюром. Министр, пытаясь остаться незамеченным, смотрит на руку. Заметив взгляд, Керрис усмехается и делано постукивает ногтями по папке, словно след Бормана находится именно в ней.

Министр переводит взгляд на папку:

– Это тот, который нашего Гесса заменил?

В его голосе звучит ирония, но Керрис не расположена к шуткам.

– Да, он, – сухо отвечает она.

Министр протягивает руку, собираясь взять папку:

– Не понимаю, в чем проблема?

Керрис качает головой:

– Нет, эта папка не для вас. Это моя шпаргалка. Если наши предположения верны, то, вероятно, начнется охота за наследством Бормана: я имею в виду его документы, счета, записки. И русские первыми начнут рыть в поисках новых фактов. Помните, как они искали стенограммы Гесса? Борман – это покруче. А ведь многие из этих документов хранятся у нас.

– Что значит «у нас»? – удивился министр. – Не понимаю.

Директор опять качает головой:

– Тут нет ничего особого. По делу Гесса все документы у нас. Но и документы Бормана не прошли мимо нас. Неужели вы этого не знали? Все у нас – в Лондоне.

– Дайте все-таки мне почитать.

Керрис нехотя подчиняется:

– Хорошо, читайте.

Министр вынимает несколько листов бумаги и пробегает их глазами. На его лице появляется брезгливое выражение.

– Нам-то что до этого? – пожимает он плечами. – Пусть роют. Или у нас тоже рыльце в пуху?

Керрис морщится:

– Зачем так грубо? У меня есть просьба к вашему ведомству: никакой информации прессе не давать. Мы уже натерпелись с архивами Гесса. Не хотим снова рисковать.

– Не волнуйтесь, – министр возвращает Керрис бумаги. – А, кстати, почему дело Бормана покруче?

– Мы знали, чем занимался Борман после войны. Мы это контролировали. Держали руку на пульсе. А этот паршивец все аккуратно отмечал в своем дневнике. Мы ищем его дневники, в них компромат века. На нас.

Министр с равнодушным видом отходит к столу, молча отодвигает стул, давая Керрис понять, что аудиенция закончена.

Керрис вздыхает и направляется к двери.

Министр еще раз незаметно, оценивающе смотрит на директора: облегающая юбка из плотной ткани выгодно подчеркивает ее формы.

– Обещайте мне первому показать дневник Бормана, – тихо произносит он ей вслед.

Ми-6. СПРАВОЧНО. Секретно

Есть основания полагать, что перстень, который был найден в Брюсселе, находился во владении Мартина Бормана. Этот факт вызывает большой интерес у русской разведки, которая начала поиски.

Примечание

Ми-6 также имела доступ к счетам НСДАП. Получение русскими этой информации может катастрофически навредить имиджу королевства.

Директор Ми-6

1941 год. Берлин. Кабинет Бормана

Борман сидит за столом, рассматривая изящный портсигар. Настроение у него отличное: совсем недавно ему удалось продать несколько артефактов, полученных в результате многоходовой комбинации. В Каире задержали агента гестапо, который собирал документы на семью Гесса, все еще находившуюся в Египте. Но через своего человека в ведомстве Гимmlера Борман вытащил агента в Германию, придумав для него подходящую легенду: якобы он политический эмигрант, член НСДАП. Египтяне получили фальшивую информацию о своих якобы завербованных Германией агентах и в качестве благодарности передали Борману небольшой подарок за помощь – двух золотых скарабеев, которых он, Борман, очень выгодно продал на черном рынке в Мехико.

Борман обожает подобные сделки. Они дают не только деньги, но и ощущение всемогущества.

Звонит телефон. Борман нажимает кнопку громкой связи:

– Рейхсфюрер, вы очень точны.

Голос Гимmlера в динамике дружелюбен:

– Что вы, партайгеноссе. Это ваш секретарь точен. Он сказал, что ровно через пять минут состоится наш разговор.

Борман смеется:

– Вы уже и его завербовали?

Его голос становится колючим:

– Дело о счетах Гесса в Южной Америке будет закрыто в ближайшее время. Начальник охраны Гесса больше не нужен. Вы тоже так думаете, рейхсфюрер?

Борман смотрит на динамик громкой связи, словно это и есть рейхсфюрер.

– Разумеется.

Голос Гимmlера становится мягким, дружелюбным и в то же время настойчивым:

– Считайте, что он заболел. Смертельно... Я уверен, партайгеноссе, что вы будете помнить эту небольшую любезность, которую я вам оказал. Без СС нельзя гарантировать безопасность счетов НСДАП.

Борман криво улыбается:

– Хайль! До свидания, рейхсфюрер.

Лефтер. Куда исчез Борман?

– Вы не представляете, сколько я слышал версий о том, куда делся Борман! Это уже превратилось в этакую народную игру, где каждый уважающий себя расследователь предлагает свой вариант. И тем не менее я совсем не уверен, что все эти версии не придумал сам Борман, – Кортун встает с кресла, потирает руки, затем начинает медленно прохаживаться по кабинету.

– Что вы так заволновались? Все знают, что Борман погиб то ли второго, то ли первого мая 1945 года, – кардинал пожимает плечами.

– Да, да. По официальной версии первого мая Мартин Борман с группой сопровождения пытался выбраться из города, но погиб где-то около станции метро Лертер-Банхофф. Даже есть история о том, как были найдены останки, которые идентифицированы как останки партайгеноссе. Но в этом, как всегда, есть только частица правды.

– Вы так думаете? – Лефтер смотрит на Кортуну из-под пенсне.

– Партайгеноссе Борман был одним из лучших игроков в политические игры. Он умело менял имена, фамилии, причем не только свои. Его отличали острый ум и умение рассчитывать ходы на неделю вперед. В отличие от соратников по нацистской партии он очень хорошо умел просчитывать ситуации.

– Значит, дорогой полковник, вы уверены в том, что на этой станции метро Бормана не было?

– Не совсем. Борман был на станции Лертер-Банхофф, но погиб там во время выхода из Берлина не он.

Кортун снова усаживается в кресло, ослабляет воротничок и хитро смотрит на кардинала.

Ми-6. Секретно

Только для высшего звена.

Информация о повышенной активности русских спецслужб в Южной Америке.

Объем поступающей информации из посольств в Аргентине, Боливии и Парагвае позволяет предположить начало новой секретной операции русской разведки в этом регионе. Детали и подробности выясняются.

1939 год. Ватикан

Папа Пий XII собирается провести особый обряд в связи с тайной Фатимы, которая скрывает пророчества, данные Девой Марией много лет тому назад. Эудженио Пачелли, таковое имя папы в миру, – человек утонченных манер, аристократ, принадлежащий благороднейшему дворянскому роду и ставший понтификом. Мистика – часть его бытия, даже когда он сидит на троне папы.

Выразительные черты лица Пия XII всегда сохраняют строгость, но его взгляд светится добротой. Высокие скулы, заостренный нос и тонкие губы делают его похожим на аскета, лоб перечеркнут едва заметными морщинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.